Идейная динамика развития теории государства в СССР в 1930-х гг. в политических работах А.Ф. Керенского

Ideological dynamics of the development of the theory of state in the USSR in the 1930s in the political publications of Alexander Kerensky

A.V. Nikandrov
Lomonosov Moscow State University

Abstract. The article is devoted to a little-studied episode from the life and biography of Alexander Kerensky, connected with his emigrant journalism of the 1920s–1930s, dedicated to his reflections on the USSR. In the late 1920s, in some political articles, he predicted that the Soviet state in the domestic sphere would develop in the direction of national and state unity and overcoming the division into classes, from a "class state" to a democratic state. A. Kerensky expresses confidence that a new ideology is being created in the USSR, which will be adopted to replace the old one, based on the principles of proletarian internationalism and the dictatorship of the proletariat. In a number of important publications in 1936, on the problems of Soviet constitutional reform, he reveals the essence of the principle the of State of all the people, which is incompatible with the principle of the dictatorship of the proletariat. In a series of articles of 1936, A. Kerensky reveals the essence of the new principle of the State of all the people, which, in his opinion, was laid at the foundation of the new ideology of the Soviet state by Joseph Stalin. Having analyzed a large array of Soviet political texts, A. Kerensky establishes a connection between the principle of the State of all the people and the principle of a classless society. On this basis, he determined the direction of Soviet political thought and ideology of the 1930s: from a classless society to of State of all the people.

Key words: Bolshevism, dictatorship of the proletariat, Soviet state, classless society, State of all the people, Constitution of the USSR of 1936, Joseph Stalin, Alexander Kerensky, Evgeny Pashukanis.

Введение

Публицистическая деятельность А.Ф. Керенского 1920–1930-х гг., связанная с изданиями «Дни» (1922–1933, под его редакцией с 1928 г.) и «Новая Россия» (1936–1940), равно как его жизнь и деятельность в эмиграции в целом, – эти темы не обойдены вниманием историков. Однако публицистика А.Ф. Керенского, в основном посвященная политике и идейной жизни СССР, в целостном виде и тем более в своей позитивной части по настоящий день не проанализирована, – несмотря на солидный объем и содержательное разнообразие, а также несмотря на факты идейного развития Керенского, его превращения в значимую фигуру эмигрантской политической мысли и полемики, и, наконец, его становления в качестве теоретика. Причиной тому служит отношение к Керенскому как к фигуре не

первого плана на фоне других публицистов эмиграции (П.Н. Милюков, Г.П. Федотов, П.Б. Струве, В.М. Чернов). Однако политические работы Керенского обоснованно могут считаться обладающими серьезной теоретической значимостью. Хотя он, может быть, и не достиг уровня политического мыслителя и признанного теоретика, тем не менее в своих работах 1930-х гг. Керенский выступил не только как критик большевизма и советской власти (в этом он не выделялся среди эмиграции), но и как отнюдь не поверхностный теоретик, исследователь в области теории и идеологии Советского государства, и. в частности, в области анализа идейно-политических новаций Конституции 1936 г. В его размышлениях и работах об СССР проявились юридическое образование и интерес к государствоведческим наукам, вспыхнувший в нем еще в студенческую пору. Многие из его работ 1930-х гг. являются концептуально насыщенными и представляют интерес в плане истории развития советской политической теории и идеологии.

Керенскому удалось проникнуть в существо советского дискурса, и с этой глубиной его взгляда на советскую жизнь и мысль связано то обстоятельство, что его рассуждения и риторика в целом, направленная против классового подхода и диктатуры пролетариата, по первостепенному вопросу о государстве начиная с определенного момента удивительным образом будет консонировать с противоречивой советской политической теорией и риторикой, которая в 1930-х гг. начнет движение по направлению к утверждению общеклассовых ценностей и всенародного государства, принципов народовластия и единства всех трудящихся, характерных и для народническо-социалистической мысли, идеи которой разделял Керенский. Ему удалось задеть очень важный нерв советской теории государства: речь идет о нереализованном в сталинскую эпоху принципе всенародного государства, которым советские идеологи и теоретики, действующие во главе со Сталиным, предполагали провозгласить Советское государство, – в 1936 г. в новой Конституции, а в 1947 г. в новой программе ВКП(б), не принятой в сталинское время. Подведением к этому акту явилась разработка понятия и проведение риторики бесклассового социалистического общества, – концепта, внедренного в советский политический дискурс в 1932 г. Увидеть связь этих концептов и стоящих за ними принципов и интуиций советской теории государства довелось только А.Ф. Керенскому.

Немаловажно, но в данном случае вполне типично то, что Керенский в своих работах второй половины 1930-х гг. отразил существенные аспекты того комплекса новаций советской политики и культуры, которые вводились в 1930-е гг. и в своем единстве представляли изменение парадигмы жизни и мысли Советского государства. Речь идет о политическом, культурном и идеологическом повороте в СССР, который обычно именуется «сталинским поворотом», и кульминацией развития сущности и вместе с тем противоречий которого стала Конституция СССР 1936 г.

«Сталинский поворот» 1930-х гг. и Конституция СССР 1936 г.

«Сталинский поворот» – это комплекс решений в области государственной политики СССР, системно проводимых в жизнь советским руководством во главе с И.В. Сталиным начиная примерно с 1931–1932 гг. Речь идет о коренном сдвиге в политике Советского государства, существо которого связано с переменой парадигмы с интернационализма и мирового революционаризма на советский государствоцентризм и патриотизм. Поворот не имеет общепринятого наименования. Его зачастую называют «сталинской контрреволюцией», идеологическим или консервативным поворотом. Фундаментальным противоречием «сталинского поворота» было противоречие между центральными постулатами марксизма, который полагался в основание теории государства и идеологии в СССР, и потребностями государства в плане его теоретического оформления. При том, что новое государство должно быть теоретически построено на базе марксизма, в качестве источника власти в Советском государстве должен быть определен народ. Марксизм был необходим – и в то же время он представлял существенное препятствие для «теоретического строительства»: как отделить пролетариат и его диктатуру от государства, если пролетариат признается демиургом государства нового типа? В самом деле, цель марксизма – коммунизм, т.е. общество без классов и без государств, а задача пролетариата – уничтожение системы классового господства, а не строительство государства, т.е. организации классового господства. Пролетариат создает «свое» государство на время этого движения к коммунизму, т.е. оно по определению имеет узкие задачи и предназначено существовать ограниченное время. Так получается дилемма: имманентно революционный пролетариат или сильное, долговечное государство[1].

Это трудноустранимое противоречие рельефно проявилось в Конституции СССР 1936 г. Даже поверхностный взгляд на этот текст показывает нечеткость положений и определений. Возможно, что Конституция носила компромиссный характер, и этот компромисс был временным. Статьи 1–3 не находятся в согласии со ст. 4–6. Центральной является ст. 3, которая, по логике документа, определяет источник советской власти – это «трудящиеся города и деревни в лице советов трудящихся». В ст. 34–35 без установления связи с «трудящимися» вводятся «граждане СССР». Ст. 1 и 2 не имеют ко всей этой конструкции отношения, и могут быть без ущерба изъяты из текста: первая имеет исключительно риторический смысл, а вторая – исторический, и обе лаконично напоминают читателю о классах и о диктатуре пролетариата, т.е. о принципах марксизма. Термин «трудящиеся», объединяющий рабочих, крестьян и трудовую интеллигенцию и заставляющий вспомнить эсеровскую риторику[2] и

[1] Об этом подобно см.: *Никандров А.В.* Развитие теории социалистического государства в политических текстах и правовых документах сталинского периода советской истории: проблемы и противоречия // Государство и право. 2024. № 4.

[2] Сотрудник журнала Керенского П.А. Берлин в ходе обсуждения Конституции обвинил большевиков в «экспроприации» термина «трудящиеся»: «...Термин “трудящиеся” и включение мелких трудовых крестьян в этот разряд трудящихся вместе с рабочими есть

терминологию народных социалистов, да и в целом общетеоретическое положение народничества о едином трудовом народе, – введен скорее для того, чтобы запутать всю конструкцию, а не установить ясность. «Трудящиеся» концептуально замещают народ, вбирая в себе оба класса и нивелируя тем самым классовость государства[1]. Народ появляется в блоке ст. 4–6, в которых устанавливается, что государственная собственность является всенародным достоянием (res populi, если перевести это словосочетание на язык римской политической мысли). Из этой постановки, по общей логике вещей, вытекает, что и само государство является всенародной собственностью или, во всяком случае, может быть определено как всенародное (res publica). Но Советское государство так не определяется, и вопрос о том, кому же принадлежит «вся власть в СССР», не получает четкого ответа и остается открытым для домысливания; не становится ясным и государственный статус «рабочих и крестьян»; не устанавливаются границы действия диктатуры рабочего класса. Точнее, при домысливании текста из него следует, что диктатуры больше нет, однако из сталинского доклада «О проекте Конституции Союза ССР» следует обратное. Необычное впечатление производит также ст. 126 с метафорическими определениями правящей партии. Недомолвки, неясности и метафоры пронизывают текст, и не исключено, что Конституция 1936 г. прослужила сорок лет не вопреки, а благодаря этому.

Перед нами, пользуясь выражением В.С. Нерсесянца, образцы сталинской «идеологической филологии»[2]. Задача текста Конституции, равно как и сталинского доклада, – «расплавить» изначальные смыслы «прототекста» и, пересоздав их в специально усложненной и «спрессованной» конструкции, затемнить первоначальный замысел, изначальный план, ясный и логичный; но затемнить не до конца, а сделать так, чтобы исходный замысел «проглядывал» сквозь лаконичные и тяжеловесные конструкции. Первоначальный замысел состоял в провозглашении СССР всенародным государством. Подведением к этому стало выдвижение на XVII конференции

партийная собственность эсеров, против которой так долго и так упорно боролся Ленин, и которую ныне экспроприировали большевики» (*Берлин П.* Социальная сторона конституции // Новая Россия. 1936. № 8. 1 июля. С. 15). На самом деле, если уж говорить о «партийной собственности», то с не меньшим успехом на нее могла бы претендовать партия народных социалистов (энесов).

[1] А.Ф. Керенский будет объяснять введение термина «трудящиеся» необходимостью оформить «новый правящий слой», создаваемый Сталиным: «Совершенно ясно, что, выдвигая беспартийных большевиков и “знатных людей” на одну линию с партийной аристократией, Сталин создает новый правящий слой, совершенно **чуждый старой классовой** психологии довоенных и октябрьских большевиков. Для новой знати, часто выходящей в люди из самых низов, пролетарское звание совсем уже не прельстительно, а скорее неудобно и стеснительно. “Трудящийся” звучит как-то иначе, шире, ничего не напоминает в прошлом и, главное, ставит знак равенства между всеми участниками “социалистического строительства”» (*Керенский А.Ф.* От Ленина к Муссолини // Новая Россия. 1936. № 7. 1 июня. С. 1).

[2] *Нерсесянц В.С.* Философия права. М., 2003. С. 227.

ВКП(б) (1932) задачи: не ослабляя, а наоборот, усиливая государство пролетарской диктатуры, построить в СССР к концу пятилетки бесклассовое общество. Задача формулируется по правилам «идеологической филологии»: превратить трудящихся в *сознательных и активных строителей бесклассового социалистического общества*. Смысл новой задачи ясен: если вскоре нужно объявлять социализм построенным, то, поскольку, по Ленину, социализм – это процесс уничтожения классов, в теории необходимо определить достигнутые результаты этого процесса и поставить их в соответствие уровню «готовности» социализма. Но была и другая логика, скрытая – подвести теоретическую базу под намеченное объявление СССР всенародным государством.

То, что принцип бесклассового общества являлся подведением к принципу всенародного государства как нового обозначения сущности Советского государства, следовало не только из первоначальных вариантов Конституции, в которых полагалось, что в СССР деления на классы больше нет, но и из ряда статей, опубликованных в советских журналах и газетах в апреле-мае 1936 г. перед появлением проекта новой Конституции 12 июня[1]. В этих текстах констатировалось, что Советское государство является всенародным или подлинно народным. Авторами были известные советские политики и идеологи: Е.Б. Пашуканис, А.И. Стецкий, М.Б. Митин, Н.А. Вознесенский, А.Я. Вышинский и др. Самой известной из этих публикаций была статья Е.Б. Пашуканиса «Всенародное советское государство» в «Правде» от 9 мая 1936 г. Она была наиболее «статусной» и наименее концептуальной: стиль газеты не позволял глубоко вдаваться в теоретические тонкости. В ней утверждалось: «Диктатура пролетариата создала и выковала действительно единый народ, не раздираемый классовыми противоречиями. <…> Советское государство – всенародное государство. Наше государственное дело – всенародное дело»[2]. – Автор практически прямо цитирует слова Цицерона о государстве как о достоянии (или деле) народа. «Всенародное государство» исчезает из идейной ротации сразу после опубликования проекта Конституции. Советские идеологи – составители проекта Конституции, для которых был ясен ее первоначальный замысел, всю эту логику по вполне понятным причинам не раскрывали (да и как они

[1] На следующий день, 13 июня, «Правда» публикует статью, в которой есть такие строки: «Самодержавие народа – так переводил Ленин слово демократия. Это самодержавие народа, его верховную власть, ничем не ограниченный суверенитет выражает Верховный Совет СССР, советский парламент, первый подлинно народный парламент в мире» (Сталинская конституция победившего социализма // Правда. 1936. 13 июня. С. 4). В первой программе РСДРП (1903) термин западноевропейской социал-демократии «демократическая республика» (как одна из целей программы-минимум) дублируется термином «самодержавие народа» (концептуальный прототип всенародного государства). Впервые этот термин был введен Л.А. Тихомировым около 1879–1880 гг., а в первую программу внесен Г.В. Плехановым и В.И. Лениным (см.: *Никандров А.В.* Концепт «самодержавие народа» в политической риторике большевиков и народнические истоки большевизма // Вопросы философии. 2020. № 10).

[2] *Пашуканис Е.* Всенародное советское государство // Правда. 1936. 9 мая. С. 2.

могли бы это сделать?), а из зарубежных наблюдателей увидеть и раскрыть ее довелось только А.Ф. Керенскому.

Из текста Пашуканиса не становилось ясным, было ли словосочетание «всенародное государство» политико-юридическим термином, представляющим новое определение сущности Советского государства вместе диктатуры пролетариата, или же оно было литературным эпитетом. Ответ нетрудно найти в других работах апреля-мая 1936 г., например, в работе М.Б. Митина: «Новая Советская конституция, разрабатываемая под непосредственным руководством товарища Сталина, и будет... конституцией *социалистического, всенародного государства*»[1]. Вторым важным положением «новой риторики» был тезис о превращении ВКП(б) в подлинно народную партию: «В настоящее время... наша партия выступает единственной и подлинно народной партией»[2]. Как видно, две эти новации носили парадигмальный характер по отношению к советской теории государства и были напрямую связаны с тезисом о бесклассовом социалистическом обществе.

В статье Пашуканиса есть пассаж, важный в отношении к А.Ф. Керенскому, ибо это был выпад, направленный против той политической линии, к которой принадлежал Керенский, и который он прочитал: «Когда-то народнические партии – в частности трудовики – заявляли, что их цель – объединить все трудящиеся классы: фабрично-заводских рабочих, крестьянство и трудовую интеллигенцию. Эти широкие задачи они противопоставляли “узости” марксистов-большевиков, которые якобы исходили только из интересов пролетариата. Ленин и Сталин в своей критике, направленной против народников, вскрывали всю фальшь, все убожество этих словесных попыток утвердить единство трудящихся на базе сохранения капитализма»[3].

Политическая риторика А.Ф. Керенского до 1936 г.

В студенческую пору А.Ф. Керенский, посещая собрания народников, проникся их идеями, и это определило его политическое мироощущение и во многом – позицию в дальнейшей политической деятельности. Идеи марксизма не были ему близки по причине открыто провозглашаемого принципа классовости, а также по причине большей стройности и логичности, и, стало быть, сложности, чем расплывчатые народническо-социалистические идеи. «Почти все мы сочувствовали движению народников или, скорее, социалистов-революционеров, но, насколько я помню, марксистов среди нас не было»[4], – будет вспоминать свои студенческие годы Керенский. Несмотря на определенную склонность к политической мысли и наукам, выразившуюся в желании перевестись с историко-филологического

---

[1] *Митин М.* О ликвидации классов в СССР и о социалистическом, всенародном государстве // Под знаменем марксизма. 1936. № 5. С. 14.

[2] Там же. С. 8.

[3] *Пашуканис Е.* Указ. соч. С. 2.

[4] *Керенский А.Ф.* Россия на историческом повороте: Мемуары. М., 1996. С. 19.

факультета на юридический[1], его больше привлекала возвышенная риторика, нежели анализ и теория. Политические убеждения Керенского оказались наиболее близки к системе идей и программных заявлений народно-социалистической партии. Политическими и риторическими максимами Керенского стали идеи свободы, единства трудового народа (т.е. рабочих, трудового крестьянства и трудовой интеллигенции), народовластия и народного государства; идеи социализма, понимаемого в народническом ключе; гуманизм и апология личности. Он был против любого рода диктатуры, не важно, личности, партии или класса; а пафос революции был у него в большей степени моральным, чем политическим: «Я глубоко убежден, что дело Освобождения трудящихся масс будет подвигом величайшей человечности или его совсем не будет. Не только труд, но и сам Человек – ценность непреходящая и неприкосновенная»[2]. Это пророчество явно было навеяно лозунгом почитаемого Керенским французского поэта Шарля Пеги «социальная революция будет моральной или ее не будет вовсе». Керенский формулирует «основной закон всякой революции»: «все для народа и все через народ»[3].

«Летописец революции» Н.Н. Суханов дает такие оценки личности А.Ф. Керенского «Знаменосец великой демократической революции», «пламенный поборник и поэт демократии», Керенский «был искренний демократ, борец за торжество революции – как он понимал ее». – Он утверждает, что «у Керенского и не было никакого строго выработанного направления, никакой сколь-либо законченной системы воззрений». – «Однако, – продолжает Н.Н. Суханов, – при всем этом нельзя сказать, что мысль Керенского была вообще чужда теоретической работе, что она была ленива к ней... <…> Керенский живо интересовался теоретической работой, он меньше всего ленился использовать ее, но все же ему решительно не удавалось построить систему взглядов»[4]. По словам М.И. Басманова, Г.А. Герасименко и К.В. Гусева, «его идеология была эклектичной: что-то взято из социалистической идеологии, что-то – из идеологии буржуазного либерализма, а что-то строилось из проповедуемой им (и это уже действительно принадлежавшей только ему) идее возвращения России к Февралю». – Эклектика соседствовала в мысли и риторике Керенского с нечеткостью и экспрессией (Александр Федорович был человек впечатлительный, любящий и умеющий делиться своими впечатлениями[5]) и

---

[1] Это, по мнению Т.Ф. Прокопова, объясняется «неожиданно вспыхнувшим увлечением студента политическими науками, государствоведением, риторикой – как раз тем, что значилось главным в учебных планах будущих правоведов» (*Керенский А.Ф.* Потерянная Россия. М., 2014. С. 7).

[2] *Керенский А.Ф.* Издалёка. Сборник статей (1920–1921 г.). Париж, 1922. С. 47.

[3] Там же. С. 67.

[4] А.Ф. Керенский: Pro et contra. Антология / Сост. А.В. Николаев. СПб., 2016. С. 536–538.

[5] Р.Б. Гуль будет вспоминать: «Красноречие Керенского было крайне эмоционально, даже, я сказал бы, “пифично” (от слова “пифия”)» (*Гуль Р.Б.* Я унес Россию: Апология эмиграции. Т. 2. Россия во Франции. М., 2001. С. 43).

с насыщенностью возвышенными принципами: «Он очень часто обращался к идеям народовластия (как и положено либералу, не раскрывая содержания этого понятия), святости и неприкосновенности личности, утверждению демократии и свободы как главных ценностей общества...». – Авторы книги приводят одно из высказываний Керенского: «Свобода есть для меня конечная цель всякой политической, общественной и личной деятельности. Я скажу: как Ленин был фанатиком насилия, так я – фанатик свободы»[1]. Очевидно, что броские фразы «фанатик свободы» и «фанатик насилия», хотя и хороши для зажигательных речей, но одинаково бессмысленны.

Романтизация Февраля, полагаемого Керенским «символом народовластия»[2], риторика «возвращения к Февралю», противопоставленного «незаконному» и «незакономерному» Октябрю, была важнейшей частью его творчества. Если Февраль в жизни Керенского был связан с феерией его взлета к вершинам власти и всероссийской славы, то Октябрь – наоборот, со столь же стремительным падением. С «Февральской риторикой» Керенского связана и апологетика труда, трудового народа и единства всех трудящихся: «Февраль был социальной революцией, отдавшей первое место в государстве трудовым классам»[3]. – «Февраль, по его мнению, “исходил не из чувства классовой избранности, а из сознания всенародного единства”»[4]. Февраль, как «утверждение всенародного единства вокруг надпартийного, национального Временного правительства»[5], по убеждению главного героя Февраля 17-го, был прерван «реакционным», «разрушительным» Октябрем, который полагался им началом бедствий для России: «...Здоровый процесс перерождения полусамодержавной России в современное демократическое государство был в самом начале прерван большевистским октябрьским реакционным переворотом»[6], и так «новая рожденная революцией демократическая народная Россия»[7] не состоялась по вине Ленина и большевиков.

Отношение Керенского к Ленину и большевизму, определенное этой «антиномией Февраля и Октября», в свою очередь определило направленность его риторики и содержание «Дней». Этот негативизм сохраняется на всем протяжении существования газеты, проявляясь даже и тогда, когда все события – и Февраля, и Октября – удалились на значительное историческое расстояние. Отрицательное отношение к Сталину, определившееся к концу 1920-х гг., не носило у Керенского прямолинейный характер, однако во многом оно было подобно отношению к Ленину: в своем неприятии Керенский исходил из негативного отношения к

---

[1] *Басманов М.И., Герасименко Г.А., Гусев К.В*. Александр Федорович Керенский. Саратов, 1996. С. 184.
[2] *Керенский А.Ф.* Потерянная Россия. С. 111.
[3] *Басманов М.И. и др.* Указ. соч. С. 188.
[4] Там же. С. 190.
[5] *Керенский А.Ф.* Потерянная Россия. С. 60.
[6] Там же. С. 112.
[7] Там же. С. 59.

диктатуре вообще (а советский режим изначально полагается им диктатурой без каких-либо сомнений: это был догмат почти всей эмиграции). Как и большинство других эмигрантских изданий, «Дни» характеризуются неприятием и недружелюбной критикой политики СССР, любых решений и действий советской власти. Редакция «Дней», получая «новости» из Советской России (а на деле питаясь сплетнями), отбирала самые негативные из них, – и советская действительность показывалась сквозь «черные очки», а любые инициативы советской власти на страницах «Дней» обязательно «терпели крах». При этом Керенский постоянно «находил» свидетельства «недовольства диктатурой» и «жажду свободы», якобы скрытую в недрах России, т.е. видел ровно то, что ему очень хотелось видеть. Приведем примеры из «Дней» за 1931 г. Корреспонденция из России была примерно такая: «Борьба между Молотовым и Сталиным». Под стать ей была и «аналитика»: «Конвульсии пятилетки». Впрочем, искаженное восприятие не может затемнить того факта, что Керенский очень внимательно читал советскую прессу, был в значительной степени погружен в советскую действительность, впитывал всю информацию, разными путями поступающую из СССР.

С конца 1927 г. риторика Керенского начинает меняться. В передовой редакционной статье «Дней» (за авторством явно Керенского) ноября 1927 г. «“Октябрь” исключен», написанной по мотивам исключения из ВКП(б) Г.Е. Зиновьева и Л.Д. Троцкого, т.е. действующих творцов и «живых символов» Октября, выражается уверенность в том, что «лишение Троцкого и Зиновьева всех привилегий... символизирует явление действительно огромного исторического значения. “Октябрь”, как идея разрушения... **исключен** ныне из обихода России». – Исключению Троцкого и Зиновьева из партии придается значение «перехода через Рубикон»: это событие приравнивается к «исключению» самого Октября. Автор подчеркивает, что новая «идея-сила сталинского аппарата» есть отрицание идеи Октября; что если «ленинская идея разрушала – теперь надо строить», – и потому аппарат выбросил старые «разрушительные идеи»[1]. Историк русской эмиграции Ю. Суомела пишет: «...Керенский, понимая подоплеку действий Сталина, стал сам по-новому писать о нем. В публикациях середины декабря 1927 года на страницах “Дня” появились первые благожелательные отзывы о Сталине»[2]. – Исследователь несколько преувеличивает, однако не оказывается далеким от истины: благожелательным отношение к Сталину ему казалось скорее по контрасту с негативизмом по отношению к Троцкому и Зиновьеву. Впрочем, у Керенского в конце 1920-х гг. появляются смутные надежды, связанные с СССР, отразившиеся в серии его статей конца 1928 г. о государстве.

Декабрь 1928 г. был ознаменован новыми идеями и мотивами в публикациях Керенского. В статье «Государство прежде всего» он

---

[1] Передовая. «Октябрь» исключен // Дни. 1927. № 1239. 16 ноября. С. 1.

[2] *Суомела Ю.* Зарубежная Россия. Идейно-политические взгляды русской эмиграции на страницах европейской прессы в 1918–1940 гг. СПб., 2004. С. 225.

вкладывает в уста некоего спеца из России, беспартийного бюрократа, слова: «...Для коренного преобразования существующего строя нужна, прежде всего, **идея**. Идеи-то у нас и нет. Мы ее ищем»[1]. – В ответ на этот «запрос» Керенский подвергает критике властвующий в СССР «советский идеократизм», т.е. ленинизм, как разрушительную для страны идеологию, от которой необходимо избавиться. – Для вывода России «из тупика идеократического положения» и преодоления «идеократического насилия ленинизма» он довольно-таки путано формулирует нечто вроде основ будущей новой идеологии России, базовым постулатом которой должна стать идея всевластия государства: «**Эта идея – полновластие, всевластие государства**. <…> Прежде, чем насаждать в России определенный демократический государственный строй, **нужно сначала восстановить суверенитет, верховенство в стране самой государственной власти**»[2].

В работе «Идея на службе государству» Керенский продолжает развивать новые мысли, подтверждая верность идеалам народовластия и акцентируя приверженность этатизму[3], принципам которого он и в самом деле был привержен: «Я всегда был абсолютным государственником. <…> Государство для меня всегда было **сверх-личной, абсолютной, положительной, творящей ценностью**». – Именно этатизм служит в его новой риторике противовесом идеократизму: «**Идеи должны быть на службе государству**», идеократия же, напротив, «подчиняет своей частной, партийной идее все государство». – Отсюда Керенский делает вывод о недопустимости господства «**индивидуальных, сословных или классовых идей над всеми прочими, над самим государством**»[4]. По его давнему убеждению, политическим строем, не допускающим установления диктата класса над государством, является демократия. В работе 1929 г. он выставляет требование: «**В коренном законе демократии** – *всеобщие, прямые, равные и тайные выборы* – **последнее требование является краеугольным**, без которого три первых не имеют никакого значения. <…> **Можно сказать: требование тайных выборов – требование отмены диктатуры “единой и единственной партии”**»[5].

Новые мотивы и оригинальные тезисы, напоминающие программные заявления, выставленные Керенским, вызвали в среде эмиграции удивление и привели к полемике. Публицист В.В. Сухомлин справедливо упрекнул

---

[1] *Керенский А.Ф.* Государство прежде всего // Дни. 1928. № 14. 9 декабря. С. 1.

[2] Там же. С. 2.

[3] Эту идею он усвоил в годы учебы на юридическом факультете, слушая лекции высоко им чтимого профессора Л.И. Петражицкого. Керенский будет воспоминать, что «важная идея Петражицкого заключалась в том, что государство по своей природе сверхличность; он утверждал, что государство не должно ограничиваться простой функцией поддержания закона и порядка, но призвано осуществлять руководящую роль в борьбе экономических и социальных сил, происходящей в обществе» (*Керенский А.Ф.* Россия на историческом повороте. С. 28).

[4] *Керенский А.Ф.* Идея на службе государству // Дни. 1928. № 15. 16 декабря. С. 2–3.

[5] *Керенский А.Ф.* Тайное голосование // Дни. 1929. № 20. 29 января. С. 1.

Керенского в том, что его построения страдали «одним существенным пороком – неясностью, отсутствием “политических выводов”»; также эти «рассуждения о необходимости восстановить в России “всевластие государства”» производили пугающее впечатление[1]. Интересно, что мысли и ощущения Керенского, в той их части, где его этатизм приобретает наиболее ригористичное звучание, были вполне симфоничны с советской идеологией, с 1928–1929 гг., т.е. с момента начала концентрации полномочий управления государством в руках И.В. Сталина, встающей на путь отбрасывания тезиса об отмирании государства и на путь этатизации марксистского учения. Само название статьи, «Идея на службе государству», выражает предчувствие будущей сталинской «пересборки» марксизма, в итоге которой, по выражению Н.А. Бердяева, марксизм войдет в пятилетний план[2].

Керенский выражает уверенность в грядущей демократизации России, чему должна послужить ликвидация «**надгосударственной**, партийной диктатуры», что в свою очередь приведет к перерождению большевистской диктатуры: «Я уверен... в **направлении**, куда пойдет Россия, преодолевая большевизм. Она пойдет к раскрепощению»[3]. В завершающей полемику статье «Мой “фашиоэтатизм”», где он пытается парировать полемические выпады оппонентов, Керенский, подчеркивая «надпартийную, надклассовую природу государства», группирует свои мысли и *предчувствия*: «Утверждать в сознании молодых российских поколений государство, как особую самодовлеющую, абсолютную ценность – значит подготовлять крепкое и здоровое основание для будущего государственного строительства в России. Государство, прежде всего, должно быть нашей общей руководящей идеей...»[4].

Таким образом, в новой этатистской риторике 1928–1929 гг. Керенский, выступая против классово-партийного принципа построения государства, связывает принципы сильного государства и народовластия как такие, которые должны стать определяющими для Советского государства, движущегося по пути от классовости к национальному единству. Разумеется, эти принципы в политическом мироощущении Керенского были давно и прочно связаны с образом Февраля. В 1932 г. он напишет: «Только вернувшись на путь народовластия, только подчинив правительство свободной воле народа, только обратившись к основным идеям Февральской революции, Россия вернет себе внутренний мир, право на свободный труд и сытость»[5]. Конечно, у публициста на данном этапе не лучшим образом получается выход на уровень теории, и в качестве определяющих интеллектуальных способностей в его прогнозах 1928–1929 гг. служат интуиция и предвидение, – способности, которые всегда были сильными сторонами его личности. Не подведут они Керенского и на этот раз. Развитая

---

[1] *Керенский А.Ф.* Недоумения В.В. Сухомлина // Дни. 1929. № 24. 24 февраля. С. 2.
[2] *Бердяев Н.А.* Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 123.
[3] *Керенский А.Ф.* Недоумения В.В. Сухомлина. С. 4.
[4] *Керенский А.Ф.* Мой «фашиоэтатизм» // Дни. 1929. № 36. 12 апреля. С. 3.
[5] *Керенский А.Ф.* Потерянная Россия. С. 128.

интуиция позволила ему в конце 1920-х гг. заглянуть за политический горизонт именно в той сфере, которая открывается немногим, – в сфере философии и теории государства. Его предчувствия окажутся верными: в начале 1930-х гг. СССР начнет уверенное движение от интернационализма к этатизму, курсом на усиление государства не только в практическом плане, но и в теоретическом, т.е. курсом на построение новой теории государства на началах всенародности. Противоречивые итоги этого процесса отразятся и кристаллизуются в Сталинской Конституции.

От бесклассового общества к всенародному государству: А.Ф. Керенский о Советском государстве и о Конституции СССР 1936 г.

По мере роста Керенского как политического публициста его тексты становились все более концептуальными, конструктивными и сдержанными. Позиция по отношению к СССР и Сталину постепенно обретала более строгие очертания, становилась существенно менее негативной, однако до конца последовательной она так и не станет. Между «Днями» и «Новой Россией» под эгидой Керенского выходила газета «Свобода» (всего пять номеров), на страницах которой он предложил дихотомию старого (т.е., по его излюбленному выражению, «ленино-троцкого») большевизма и сталинского необольшевизма, в борьбе которых победителем оказывается новый, что оценивается, при всех оговорках, позитивно[1]. Как пишет Ю. Суомела, «в 1936 г. Керенский основал журнал “Новая Россия”, заголовок которого недвусмысленно указывал на то, что Советский Союз вновь стал Россией. Заслуга в этом, по Керенскому, принадлежит прежде всего Сталину и его национальной политике. <…> Перемену во взглядах он объяснял тем, что советское государство после первых лет большевизма вновь стало национальной Россией»[2]. На страницах «Новой России», помимо многочисленных работ А.Ф. Керенского, будут публиковаться тексты Н.Н. Алексеева, Ю.А. Ширинского-Шихматова, Г.П. Федотова, М.В. Вишняка, С.О. Португейса, Г.Д. Авксентьева, П.А. Берлина и др.

Как уже было подчеркнуто, Керенский напряженно вглядывался в советские реалии, подмечая изменения в советской политике. Новый журнал обязан этим изменениям, в совокупности представляющими собой «сталинский поворот». 8 марта 1936 г. вышел первый номер «Новой России» – это словосочетание он берет из своей «Февральской риторики». «“Новая Россия”, – пишет Керенский, – это не только заглавие журнала, но и общее знамя в нем пишущих»[3]. – На этом знамени он начертывает слова «народное государство». – Опять-таки, как и в 1928–1929 гг., перед нами заявления, носящие отчетливо программный характер, но не выливающиеся в какую-либо более или менее четкую программу: Керенский в очередной раз

[1] См.: Общественная мысль Русского зарубежья: Энциклопедия / Отв. ред. В.В. Журавлев. М., 2009. С. 115.
[2] *Суомела Ю.* Указ. соч. С. 260.
[3] *Керенский А.Ф.* Новая Россия // Новая Россия. 1936. № 1. 8 марта. С. 1.

предстает как «ярко выраженный политический импрессионист»[1], продвигающий *новую риторику*. Суть и направление всего происходящего в СССР он видит в том, что «вечная сущность России, преодолевая все над ней производимые идеологические жесточайшие опыты, **ищет новых форм своего бытия**. В этом весь смысл ныне происходящих событий в СССР». – В поиске новых форм «из ленинского “плацдарма мировой революции”... Россия превращается в народное государство. Эти два слова уже сказаны Сталиным». – Однако «народное государство – это **отрицание** диктатуры. Народное государство может быть только государством **свободным**»[2]. – Здесь Керенский удивительным образом практически точно угадывает, какой именно термин будет вскоре использован советскими идеологами. Следует подчеркнуть, что хотя изменения в политике и культуре Советского Союза к середине 1930-х гг. увидели многие эмигранты, а некоторые отметили изменения и в советской идеологии (например, Г.П. Федотов), новации в *теории* удалось зафиксировать и концептуализировать только Керенскому (тот же Федотов только подошел к постановке этого вопроса).

В № 2 «Новой России» Керенский «цитирует» Сталина: «Мы можем с полным правом сказать: да, наше государство народное. Мы говорим теперь с полным правом – наш народ, правительство народов СССР»[3]. Говорил ли Сталин о «народном государстве» или же Керенскому это «послышалось»? Словосочетание «народное государство» ни в каких выступлениях и работах Сталина не фиксируется. До 1936 г. в прессе и риторике Советское государство народным не называли; концепт «советский народ» медленно начнет пробивать себе дорогу только с 1936 г. Тем не менее в этой весьма творческой «цитате» проявилась интуиция Керенского, его острое и внимательное к изменениям политического климата чувство, которое и позволило ему точно назвать *новый термин* советской теории государства – «народное государство» – за два месяца до начала его ротации. Он чувствует и описывает общий поворот советской культуры и политики к началам этатизма и патриотизма, справедливо полагая, что в недрах правительства вызревает *новая идеология*: «Пересмотр школьных программ. Восстановление дисциплины. Борьба за укрепление семьи. <...> Наконец, развертывание плана, так называемых конституционных реформ. Все это свидетельствовало, что за внешними бытовыми послаблениями власти населению скрывается **какой-то общий план**, какая-то **новая генеральная линия**. Чувствовалось, что вместе с ростом личного самовластия, самодержавия Сталина созревает в недрах Кремля какая-то государственная идеология»[4]. Разумеется, новая идеология, контуры которой Керенский определил в 1928 г., не может исходить из классового разделения и должна быть нацелена на единство народа и государства: «Нужно найти какую-то

[1] *Тютюкин С.В.* Александр Керенский. Страницы политической биографии (1905–1917 гг.). М., 2013. С. 8.
[2] *Керенский А.Ф.* Новая Россия. С. 1.
[3] *Керенский А.Ф.* Россия или Коминтерн? // Новая Россия. 1936. № 2. 22 марта. С. 1.
[4] *Керенский А.Ф.* От Ленина к Муссолини. С. 1.

новую руководящую идею, которая бы объединила самые широкие слои народа и отвечала какому-то чувству, звучащему одинаково у каждого. В нынешней России такой объединяющей идеей **не может быть идея класса**. <...> Какую идею можно поставить на место класса, которая бы встречала наибольший отзвук в сердцах, какая идея, преодолевая рознь, выковывала бы на случай опасности единство народного сознания? Конечно, идея **родины, нации, государства**»[1].

Всенародному государству посвящены две концептуальные статьи Керенского 1936 г. – «Советское государство и ВКП» и «От Ленина к Муссолини»[2], опубликованные до выхода в свет проекта новой Конституции, а также большая концептуальная работа, опубликованная в «Русских записках» за 1938 г. – «После выборов без выборов». К этим работам примыкают многочисленные статьи и заметки из «Новой России» за 1936–1937 гг. Основная идея этих работ состоит в установлении того, что Сталин и советские строители теории государства и идеологии отказываются от идеи диктатуры пролетариата и возвращаются к идее всенародного государства, имеющей, по Керенскому, народнические истоки. Именно для того, чтобы прийти к всенародному государству, и был выдвинут тезис построения бесклассового общества, – как метод «техничного» отказа от диктатуры пролетариата. Такова суть новой советской идеологии, которая начала вызревать с конца 1920-х гг. Идея и практика всенародного государства противоречили не только пролетарской диктатуре, которую, как был уверен Керенский, Сталин пытается нивелировать, заменив своей личной диктатурой, но и ведущей роли партии в Советском государстве. Однако партия начала подвергаться изменениям вовсе не с тем, чтобы дать дорогу народовластию, а для укрепления личной диктатуры Сталина. Этой же цели служит и создание «нового правящего слоя» – уже не на принципах партийности и принадлежности к пролетариату, а на новых основах служения государству. Тезис о диктатуре Сталина Керенский проводит в весьма навязчивой форме, без внимания к фактам, ставящим этот «догмат» под сомнение. Всенародное государство Сталина Керенский, таким образом, определяет как государство диктаторского типа, но такой вид диктатуры полагает прогрессивнее классовой, т.к., во-первых, приближает Российское государство к его истиной цели, т.е. народовластию, на практике; а во-вторых, риторика всенародности, при любой степени ее фасадности, подтверждает, что государство уже находится в начале этого пути. Таковы выводы Керенского, которые им были сделаны в 1936–1937 гг. на основе изучения текстов советской идеологии и на основе предыдущих размышлений и прогнозов.

---

[1] *Керенский А.Ф.* На место класса – нация // Новая Россия. 1936. № 17. 1 декабря. С. 3.

[2] Сопоставление с Б. Муссолини, равно как и определения вроде «фашизм», «фашизация» и т.п. в те годы еще не носили характер уничтожающего ярлыка. Однако и в общей риторике тех лет, и конкретно в риторике Керенского они имели силу снижающих эпитетов, не несущих, впрочем, какой-либо концептуальной нагрузки.

Статья «Советское государство и ВКП» была своего рода полемическим ответом на статью Е.Б. Пашуканиса «Всенародное советское государство» («Правда», 9 мая). Е.Б. Пашуканис – а он на тот момент один из ведущих советских ученых-правоведов, директор Института государства и права АН СССР и замнаркома юстиции СССР, – утверждал, что Ленин и Сталин разоблачили фальшь и убожество «народнических партий, в частности, трудовиков»[1]. Керенский ответит на этот выпад, однако в центре его внимания – всенародное государство. Его он встраивает в единую цепь теоретических изменений: от концепции социализма в одной стране к концепции бесклассового общества и, наконец, к утверждению собственно всенародного государства: «Через государство пролетарской диктатуры шли к его отмиранию в бесклассовом обществе, а пришли к “всенародному государству”, хотя и “бесклассовому”, но где “мощная государственная власть необходима”». – Он однозначно интерпретирует эту новацию как ревизию, если не отмену принципа диктатуры пролетариата, и в ответ на «фальшь и убожество» не без сарказма замечает: «ВКП возвращается к “контрреволюционной”, столько раз в пух и прах разбитой Лениным **народнической иде**е о “всенародном государстве”»[2]. Керенский устанавливает истоки этой идеи и указывает на принципы единства трудового народа, т.е. трудящихся классов, и народного государства, выдвинутые народными социалистами, с принципами и деятельностью которых он был хорошо знаком.

Действительно, в программе Трудовой народно-социалистической партии, составленной в 1906 г., записано: «Все для народа и все через народ – таков наш лозунг. <...> Мы... направим свои усилия к тому, чтобы сделать государство народным. <...> Не только по своей форме, но и по внутреннему своему содержанию государство должно сделаться народным»[3]. Энесы были партией «эволюционного социализма» и выступали против революционного пути, – поэтому ленинская оценка их идей как контрреволюционных вполне понятна. В отличие от многих других политических сил и организаций, зарождающихся в то время в России, энесы не были сильны в теоретическом фундировании своих программных установлений, и принцип народного

[1] Под «трудовиками» в советской литературе тех лет подразумевали, вслед за Лениным, энесов и эсеров (т.е. неонароднические партии), а также думскую Трудовую группу. Ко всем этим политическим силам, надо заметить, А.Ф. Керенский имел известное отношение.

[2] *Керенский А.Ф.* Советское государство и ВКП // Новая Россия. 1936. № 6. 17 мая. С. 2.

[3] Трудовая народно-социалистическая партия: Документы и материалы / Сост. А.В. Сыпченко, К.Н. Морозов. М., 2003. С. 65–66. До этого записано: «Недостаточно, однако, сказать, что наша партия... есть партия трудящихся, необходимо подчеркнуть, что это – партия всех трудящихся, а не какой-либо их группы», а после сказано, что партия называет себя социалистической, т.к., выступая против частной собственности, выставляет требование общественной собственности на «всю землю, все орудия и материалы, все средства производства» (Там же. С. 66).

государства в документах партии и в произведениях ее идеологов (А.В. Пешехонов и др.) не получил ни обоснования, ни развития[1].

Новацию советской идеологии Керенский принимает как победу своей точки зрения о разрушительности «ленинского идеократизма», и в более сильном ключе – как торжество идеи народовластия, к которой, по его мнению, вынужден возвратиться Сталин. Уверенный в этой идейной победе, он готов выдать советскому вождю кредит доверия: «Можно сказать, что совершенно неграмотное с точки зрения марксистской теории провозглашение Сталиным “социализма в одной стране” было началом возврата России на путь ее своеобразного исторического развития». – Здесь Керенский, в запале не замечая оплошности («неграмотное с точки зрения марксистской теории» – сложно без иронии принимать его суждения о марксистской грамотности), демонстрирует свою поддержку Сталину в отмене диктатуры пролетариата, не забывая упомянуть энесовский принцип классового единства: «“Социализм в одной стране” стремительно, наперекор всем законам хозяйственного развития, проскочил в “бесклассовое общество”. Да будет так. В конце концов не так уже важно, под каким словесным прикрытием Сталин принужден признать, что государство пролетарской диктатуры оказалось “всенародным государством”, в котором “объединены” для общего социального творчества все трудящиеся классы». – Своеобразная поддержка Сталина не означала признания Керенским искренности намерений советского руководства, – он остается при своих «классических» убеждениях (или, точнее, заблуждениях): «Задача, поставленная себе Кремлем, ясна: **создавая под давлением настойчивых требований новой России... видимость всенародного государства, сохранить по существу все самовластие партийного аппарата**»[2].

---

[1] Тем не менее, совершенно очевидно, что «народное государство» энесов, «всенародное государство» сталинской идеологии (риторика 1936 г. и проект программы ВКП(б) 1947 г.) и «общенародное государство» из программы КПСС 1961 г. концептуально и исторически прочно связаны отношениями идейной последовательности и являются развитием идеи глубокой связи государства и народа, получившей особое развитие в мысли народников-государственников (прежде всего, в идее самодержавия народа Л.А. Тихомирова). При этом три российских *проекта* народного государства, связанные с партийными программами, не тождественны по существу идеалам и проектам западноевропейской «демократической республики» и из этой постановки не исходили: программа энесов вообще не выставляет требования демократической республики, а в программе РСДРП «демократическая республика» дублируется «самодержавием народа». Главное отличие от западноевропейского принципа состоит в том, что все три отечественные концепции и программных проекта исходят из общенародной собственности на землю, недра, средства производства и пр., конструируемой в форме государственной собственности. Вторая важная черта трех проектов состоит в том, что ни в одном в них нет противоречий с принципом монократии. Концептуальный приоритет, исходя из программы 1906 г., принадлежит партии народных социалистов, и в этом смысле Керенский в своем утверждении о *народнической* идее всенародного государства оказывается прав. С другой стороны, из всего этого четко устанавливается источник сталинского «всенародного государства»: программа энесов 1906 г.

[2] *Керенский А.Ф.* Советское государство и ВКП. С. 2.

Всенародное государство в СССР на деле, по мнению Керенского, невозможно прежде всего по причине несоответствия роли партии в Советском государстве существу народовластия: ведь партия «по самой природе своей, по идеологии, по задачам... совершенно не соответствует роли руководителя всей деятельностью **всенародного,** т.е. многопартийного или внепартийного, по самой природе своей, государства». – Керенский констатирует попытки Сталина «вырвать государственный аппарат из узких мертвящих рамок фанатизма партийных активистов», сконструировав понятие и продвигая практику «беспартийных большевиков» (после 1936 г. она выльется в идею и практику «блока коммунистов и беспартийных»). Однако этого, по мнению Керенского, мало: он выставляет «требование» отделения партии от государства[1]. Сложно сказать, насколько серьезно сам публицист относился к своим предложениям, однако здесь он задевает еще один болезненный нерв советской теории государства – задачу встраивания правящей партии в новые теоретические конструкции государства[2]. Фундаментальной проблемой была невозможность отделить партию от государства, т.к. партия, замыслившая и создавшая Советское государство, и была этим государством в своем существе. Сталин подошел к разрешению проблемы партии и государства именно с этой стороны, предприняв попытку теоретического пересоздания партии как партии всего народа (ход мысли рискованный, однако он определялся логикой всенародности государства), но не довел это до конца.

Последним аспектом, важным в связи с работой «Советское государство и ВКП», является скрытый полемический поединок, своеобразная «интеллектуальная дуэль» А.Ф. Керенского и Е.Б. Пашуканиса (так, во всяком случае, это вытекает из динамики текстов). Ни в других работах Пашуканиса, ни в публикациях апреля-мая 1936 г. критика принципа народного государства «народников и трудовиков» не выдвигалась, а всенародное государство не конструировалось в противопоставлении тем идеям, на которые они опирались[3]. Не исключено, что пассаж Пашуканиса о

---

[1] Там же.

[2] Решение этой проблемы начнется с формулировки ст. 126 Конституции 1936 г., а закончится ст. 6 Конституции 1977 г., и юридически (но не идеологически!) удачным его назвать будет сложно: в попытках определения партии составители текстов не смогли обойтись без использования метафор («передовой отряд», «сила», «ядро»). В ст. 6 Конституции 1977 г. партия конституируется как сила не только руководящая и направляющая, но и *вооруженная* марксистско-ленинским учением (т.е. сила представляется основанной на разуме).

[3] Хотя М.Б. Митин и упоминает народников и эсеров (*Митин М.Б.* Указ. соч. С. 9), терминологически объектом «негативной референции» советской риторики был не программный принцип народных социалистов 1906 г., а политическое требование германской социал-демократии, выраженное разработанным в 1860-х гг. В. Либкнехтом термином «свободное народное государство», впоследствии подвергнутом критике Марксом и Энгельсом. Нельзя сказать, что к этой теоретической линии принцип народного государства из программы энесов 1906 г. не имеет никакого отношения, однако утверждать о существенном влиянии этой линии на народных социалистов оснований нет.

«народниках и трудовиках» являлся выпадом именно против Керенского: слишком отчетливо оформлена эта аллюзия. Керенский и полагает ее вызовом, направленным ему в ответ на фразу из дебютного номера «Новой России» о том, что Россия превращается в народное государство. Слова же Керенского о том, что партия *возвращается* к *контрреволюционной* народнической идее о всенародном государстве, как это можно предположить, являются ответом на замечания о фальши и убожестве народников (не менее болезненным уколом было приписывание народникам, отвергающим капиталистический путь развития России, идеи утвердить единство трудящихся на базе сохранения *капитализма*).

Последним нюансом переклички двух текстов является замечание в конце статьи Керенского. Настаивая на отделении партии от государства, он утверждает, что «не случайно в том же номере "Правды", где излагается новое официальное учение о "всенародном советском государстве", имеется передовая "Партийный аппарат", где определенно ставится вопрос о том, как отделить партию от государства...»[1]. Понятно, что здесь Керенский по своему обыкновению принимает желаемое за действительное, но дело не в этом. Суть коллизии состоит в том, что, вполне вероятно, участие в составлении передовой принимал Е.Б. Пашуканис, т.к. помимо основной темы (марксистское учение о праве), в 1930-х гг. он серьезно занимался проблемами реконструкции госаппарата, борьбой с бюрократией и т.д. Но тут речь идет именно о перекличке текстов, а не собственно о полемике, т.к. Керенский вряд ли был знаком с публикациями Пашуканиса о проблемах госаппарата.

Полемика с советскими идеологами будет проходить через другие работы Керенского: «возревновав» о народовластии, которое он искренне полагал *собственной* идеей *и интуицией*, Керенский будет стремиться как можно более полно раскрыть и обосновать это убеждение. В статье «От Ленина к Муссолини» он усиливает постановку о всенародном государстве и подчеркивает связь этого термина с концептом «бесклассовое общество»: говоря о *новой государственной идеологии*, созревающей в недрах Кремля, он утверждает, что «именно для этой новой идеологии понадобилось

Иное дело – российская социал-демократия: некоторые российские социал-демократы, например, Ю.О. Мартов, настойчиво продвигали идею свободного народного государства. Использовал Мартов и термин «самодержавие народа» из первой программы РСДРП, – так что скорее можно говорить о влиянии (во всяком случае, на уровне терминов) народничества на социал-демократию. В. Либкнехт предложил свой термин для замещения «демократической республики», выставлять которую программно, официально было небезопасно (партию могли запретить). У энесов в 1906 г. были сходные проблемы, однако они продвигали «народное государство» вовсе не с целью замещения «демократической республики». Точнее, такая цель не была определяющей: главной причиной выдвижения энесами «народного государства» был тот факт, что эта формула соответствовала духу и традициям народничества. Таким образом, можно констатировать две теоретические линии «народного государства» – германскую (временный лозунг социал-демократии) и российскую (достижение народничества).

[1] *Керенский А.Ф.* Советское государство и ВКП. С. 2.

“**бесклассовое** общество”. “Новое” общество, которое можно положить в основание “**всенародного** государства трудящихся”». – Здесь публицист как бы восстанавливает сталинскую логику: «...Чтобы выйти из заколдованного круга пролетарской диктатуры, в самом корне своем несовместимой с идеей всенародного государства, пришлось прибегнуть к героическому средству: объявить в СССР все классы больше не существующими»[1]. Заметим, что в докладе о проекте Конституции Сталин, обосновывая сохранение классов, объявил их не только «новыми», но и «дружественными»[2].

Вторая важная идея статьи состоит в смелой для эмигранта констатации прогрессивности «новой диктатуры» по сравнению со «старой», т.е. пролетарской: «...Диктатура, построенная на классовой основе... является диктатурой, обязательно разрушающей государство, ибо она противоречит самой **природе** государства... За то, что я считал и считаю диктатуру, опирающуюся на идею всенародного государства... менее разрушительной для государства, меня пытались даже зачислить в “фашисты”». – Третья мысль состоит в установлении Керенским связи сталинского определения нации, которое он подвергает разбору, со своими идеями 1928–1929 гг.: «Общее прошлое, общая территория, единство психологического склада, хозяйственная связанность – это и есть “творимая история” нации, где... все друг с другом сосуществующие классы являются только элементами сверх-личного, надклассового живого организма Нации-Государства»[3]. В дальнейших публикациях Керенский более детально разъясняет, чем «новая» диктатура лучше «старой»: «Пусть не думают, однако, что в фашизации сталинской диктатуры, в превращении ее из классово-пролетарской в “народную”, плебисцитарно-цезаристскую, я не вижу ничего положительного». – Причину своего оптимизма Керенский видит в том, что помимо «раболепствующей казенной» существует и «новая» Россия, и именно «эта Россия в новой конституции – пока в теории – получает технический аппарат для построения действительно свободного демократического государства»[4].

После опубликования проекта новой Конституции Керенский продолжает полемику с советской мыслью, только теперь место Пашуканиса занимает Сталин: «...Сталин вместо диктатуры пролетариата, которую удаляют на задний план, объявляет Россию всенародным государством всех

---

[1] *Керенский А.Ф.* От Ленина к Муссолини. С. 1.

[2] Классы, даже и дружественные, – это все же принцип разделения. Начиная с 1936 г. Сталин утверждал новые фундаментальные принципы единства советского народа, не прибегая к категории «класс», а привлекая институциональные и концептуальные методы, продвигая новые принципы, концепты и практики: единство партийных и беспартийных, партия всего народа, блок коммунистов и беспартийных в Советах. Он обращался к категориям морали (морально-политическое единство: сначала – общества, затем – советского народа); а в двух последних работах, 1950 и 1952 г., – языка (общенародный язык) и экономики (общенародная собственность).

[3] *Керенский А.Ф.* От Ленина к Муссолини. С. 2.

[4] *Керенский А.Ф.* Фашизация сталинизма // Новая Россия. 1936. № 8. 1 июля. С. 2.

трудящихся и восстанавливает то самое всеобщее избирательное право и ту самую демократическую конституцию, которые объявлялись смертным грехом социал-предателей»[1]. Керенский настаивает на утверждении об упразднении системы советов: «Самое важное: сдана **пролетарская** диктатура, **уничтожена сама советская система**, ибо вместо классово-куриальной системы многостепенных выборов вводится территориальная система прямых выборов и уничтожается всякая иерархическая связь между советами снизу и доверху. Отныне под названием “советы” СССР будет иметь обычные местные и центральные представительные учреждения, обычные по конструкции»[2]. В развитие этого тезиса в другой работе он утверждает: «Признание нации, народа, государства как единства, связанного общим прошлым, общей территорией, единством психологического склада, обязало, во имя укрепления своей личной диктатуры, Сталина **перестроить весь каркас государства сверху донизу на новых общенародных началах**»[3].

Важнейшая идея, проходящая сквозь все тексты Керенского о новой Конституции, состоит в обоснованной уверенности в том, что СССР предстает в Конституции как всенародное государство. Эта уверенность не была поколеблена отсутствием самого термина в Конституции. Керенский полагает ее задачу утверждением именно всенародного государства со всеми атрибутами демократии. Дело здесь не в невнимательности публициста к терминам: суть в том, что Керенский продвигает свою основную идею о том, что даже реализуя «под прикрытием сверхдемократических установлений»[4] планы укрепления социальной базы своей личной диктатуры, Сталин, может быть, неосознанно и вопреки своим интенциям, следует исторической логике возрождения «новой России» с ее волей к свободе. Поэтому, в отличие от многих зарубежных наблюдателей и критиков, Керенский не принимает идеи сугубой фасадности новой Конституции (на чем настаивал, к примеру, Л.Д. Троцкий) и полагает ее *Конституцией всенародного государства*.

В работе «После выборов без выборов» (1938) Керенский подводит итоги своих размышлений о Советском государстве и о Конституции 1936 г. В этой статье, с одной стороны, суммируются его тезисы, с другой – демонстрируется крайняя форма догматизма и политической предвзятости, легковерности в отношении «источников», поставляющих исключительно негативную информацию о Советском Союзе. Говоря о «вырождении октябрьской революции», он определяет: «Этот период, начавшийся приблизительно в 31-м и 32-м годах, был переходным временем от ленинской конструкции диктатуры к построению сталинскому, от диктатуры комитетско-партийного типа к самовластию неограниченно-личному»[5]. Керенский усиливает эту мысль своей излюбленной фантазией о том, что «в

---

[1] *Керенский А.Ф.* Вступительное слово // Новая Россия. 1936. № 8. 1 июля. С. 5.
[2] Там же.
[3] *Керенский А.Ф.* Фашизация сталинизма. С. 2.
[4] Там же. С. 1.
[5] *Керенский А.Ф.* После выборов без выборов // Русские записки. 1938. № 3. С. 282.

России нет внутреннего, духовного примирения с диктатурой, и воля к свободе не слабеет, а крепнет»[1]. С точки зрения как практики, так и теории, неограниченное личное самовластие в Советской России – определение бессмысленное, а потому беспочвенны и фантазии Керенского о мистической «новой России», о «красных маршалах», якобы настоявших на новой Конституции[2]; потому и вывод Керенского, о том, что «**никакого** огромного большинства, никого вообще большинства населения **за Сталиным не стоит**»[3], не убедителен и не вытекает из реального положения дел.

Заключение

А.Ю. Ширинский-Шихматов зачисляет Керенского в ряды сторонников национал-большевизма: «А.Ф. Керенский – на редкость чуткий “сейсмограф» эмиграции. Целый ряд его утверждений приближается к нашим, хотя бы и в области терминологии... Кое в чем это приближение даже выходит за пределы терминологических совпадений: докладчик так же, как и мы, национал-большевики... полагает, что считать происходящую в России национализацию революции за простой маневр нельзя... что в стране происходит первостепенного значения процесс органического восстановления нарушенных революцией национально-исторических преемственностей»[4]. В самом деле, развитая интуиция позволила Керенскому увидеть и определить тонкие, трудноуловимые движения советской политической мысли в теории и идеологии Советского государства. В том, что касается принципов народовластия, его работы, посвященные развитию советской теории государства, действительно заключают в себе глубокие мысли и прозрения. Причиной такой вдумчивости и столь глубокого погружения Керенского в глубины советского политического дискурса была своего рода «ревность о демократии», которая заставляла его быть чутким к малейшим изменениям не только лексики советских текстов, но и их тональности. Однако изначальная удаленность Керенского от марксизма и от строгой теории вообще послужила ему плохую службу: он не смог полностью усвоить понятия целесообразности и необходимости в политике.

Что же касается практики, то Керенский оказался совершенно неисправным «сейсмографом». Его «практическое зрение» было до крайности искаженным. Демократические иллюзии и «февральские мечты», а также старые обиды не позволили ему увидеть настоящую логику истории, которая заключалась в необходимости усиления власти партии и системы

---

[1] Там же. С. 286.

[2] В нескольких статьях 1937 г. и в этой статье он проводит идею о том, что «именно **в верхах красной армии** зародилась идея о новой советской конституции, гарантирующей населению большую сумму свобод. <…> **Но это должно было бы быть связано с отменой диктатуры и террора**. А на это ни за что не могли согласиться Сталин и созданный им аппарат» (Там же. С. 286–287).

[3] Там же. С. 292.

[4] *Ширинский-Шихматов А.Ю*. Выступление в прениях // Новая Россия. 1936. № 6. 17 мая. С. 14.

личной власти Сталина и – благодаря этому – управляемости государства перед стремительно надвигающейся войной. Проявляющееся порой у него понимание действий и идей Сталина, как главы единственного на тот момент социалистического государства, находящегося во враждебном геополитическом окружении, заглушалось у Керенского навязанными политическим идеализмом и эмигрантским окружением оценками советского руководителя как диктатора, занятого только охраной и усилением собственной власти. Все решения и действия Сталина представлялись Керенскому направленными исключительно на укрепление собственной диктатуры, однако такие выводы не соответствовали контексту времени и не отвечали императивам здравого политического смысла. Здесь сказывалась особого рода «ревность» в отношении к Сталину как к «демократическому диктатору» (выражение Л. Фейхтвангера), ведь в свое время и сам Керенский вполне мог считать себя, и по всей видимости, считал, «демократическим диктатором», если не единовластным правителем России: в некоторые моменты 1917 г. его власть превосходила сумму полномочий любого иного участника тогдашней политической жизни, будь то личность или партия. «Ревность» к Сталину-диктатору переплеталась с «ревностью» к Сталину-республиканцу, провозглашением СССР всенародным государством как бы освобождающему республику от оков диктатуры пролетариата: ведь Керенский в сентябре 1917 г. единолично объявил Россию республикой, наделив себя правом провозглашения воли народа, чтобы опередить большевиков, требующих провозглашения Республики Советов. Отсюда и его навязчивое убеждение в том, что «большинства населения за Сталиным не стоит». И если Керенский был, хотя бы и в ограниченном смысле, готов признать в Сталине демократического диктатора, то признать в нем республиканца он был не в силе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. А.Ф. Керенский: Pro et contra. Антология / Сост. А.В. Николаев. СПб., 2016. С. 536–538.
2. *Басманов М.И., Герасименко Г.А., Гусев К.В*. Александр Федорович Керенский. Саратов, 1996. С. 184, 188, 190.
3. *Бердяев Н.А.* Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 123.
4. *Берлин П.* Социальная сторона конституции // Новая Россия. 1936. № 8. 1 июля. С. 15.
5. *Гуль Р.Б.* Я унес Россию: Апология эмиграции. Т. II. Россия во Франции. М., 2001. С. 43.
6. *Керенский А.Ф.* Возражение Н.А. Бердяеву // Дни. 1932. № 149. 21 февраля. С. 5.
7. *Керенский А.Ф.* Вступительное слово // Новая Россия. 1936. № 8. 1 июля. С. 5–6.
8. *Керенский А.Ф.* Государство прежде всего // Дни. 1928. № 14. 9 декабря. С. 1–2.

9. *Керенский А.Ф.* Идея на службе государству // Дни. 1928. № 15. 16 декабря. С. 2–3.
10. *Керенский А.Ф.* Издалёка. Сборник статей (1920–1921 г.). Париж, 1922. С. 47, 67.
11. *Керенский А.Ф.* Мой «фашиоэтатизм» // Дни. 1929. № 36. 12 апреля. С. 3.
12. *Керенский А.Ф.* На место класса – нация // Новая Россия. 1936. № 17. 1 декабря. С. 3.
13. *Керенский А.Ф.* Недоумения В.В. Сухомлина // Дни. 1929. № 24. 24 февраля. С. 2, 4.
14. *Керенский А.Ф.* Новая Россия // Новая Россия. 1936. № 1. 8 марта. С. 1.
15. *Керенский А.Ф.* От Ленина к Муссолини // Новая Россия. 1936. № 7. С. 1–2.
16. *Керенский А.Ф.* После выборов без выборов // Русские записки. 1938. № 3. С. 284, 286–287, 292.
17. *Керенский А.Ф.* Потерянная Россия. М., 2014. С. 7, 59–60, 111–112, 128.
18. *Керенский А.Ф.* Россия или Коминтерн? // Новая Россия. 1936. № 2. 22 марта. С. 1.
19. *Керенский А.Ф.* Россия на историческом повороте: Мемуары. М., 1996. С. 19, 28.
20. *Керенский А.Ф.* Советское государство и ВКП // Новая Россия. 1936. № 6. 17 мая. С. 2.
21. *Керенский А.Ф.* Тайное голосование // Дни. 1929. № 20. 29 января. С. 1.
22. *Керенский А.Ф.* Фашизация сталинизма // Новая Россия. 1936. № 8. 1 июля. С. 1–2.
23. *Митин М.* О ликвидации классов в СССР и о социалистическом, всенародном государстве // Под знаменем марксизма. 1936. № 5. С. 8–9, 14.
24. *Нерсесянц В.С.* Философия права. М., 2003. С. 227.
25. *Никандров А.В.* Концепт «самодержавие народа» в политической риторике большевиков и народнические истоки большевизма // Вопросы философии. 2020. № 10.
26. *Никандров А.В.* Развитие теории социалистического государства в политических текстах и правовых документах сталинского периода советской истории: проблемы и противоречия // Государство и право. 2024. № 4.
27. Общественная мысль Русского зарубежья: Энциклопедия / Отв. ред. В.В. Журавлев. М., 2009. С. 115.
28. *Пашуканис Е.* Всенародное советское государство // Правда. 1936. 9 мая. С. 2.
29. Передовая. «Октябрь» исключен // Дни. 1927. № 1239. 16 ноября. С. 1.
30. Сталинская конституция победившего социализма // Правда. 1936. 13 июня. С. 4.

31. *Суомела Ю.* Зарубежная Россия. Идейно-политические взгляды русской эмиграции на страницах европейской прессы в 1918–1940 гг. СПб., 2004. С. 225, 260.
32. Трудовая народно-социалистическая партия: Документы и материалы / Сост. А.В. Сыпченко, К.Н. Морозов. М., 2003. С. 65–66.
33. *Тютюкин С.В.* Александр Керенский. Страницы политической биографии (1905–1917 гг.). М., 2013. С. 8.
34. *Ширинский-Шихматов А.Ю*. Выступление в прениях // Новая Россия. 1936. № 6. 17 мая. С. 14.

REFERENCES

1. A.F. Kerensky: Pro et contra. Anthology / A.V. Nikolaev (comp.). SPb., 2016. Pp. 536–538 (in Russ.).
2. *Basmanov M.I., Gerasimenko G.A., Gusev K.V.* Alexander Fedorovich Kerensky. Saratov, 1996. Pp. 184, 188, 190 (in Russ.).
3. *Berdyaev N.A.* The origins and meaning of Russian communism. M., 1990. P. 123 (in Russ.).
4. *Berlin P.* The social side of the Constitution // New Russia. 1936. No. 8. July 1. P. 15 (in Russ.).
5. Editorial. “October” is excluded // Days. 1927. No. 1239. November 16. P. 1 (in Russ.).
6. *Gul’ R.B.* I took Russia away: Apology of emigration. Vol. 2. Russia in France. M., 2001. P. 43 (in Russ.).
7. *Kerensky A.F.* After the elections without elections // Russian Notes. 1938. No. 3. Pp. 284, 286–287, 292 (in Russ.).
8. *Kerensky A.F.* From afar. Collection of articles (1920–1921). Paris, 1922. Pp. 47, 67 (in Russ.).
9. *Kerensky A.F.* From Lenin to Mussolini // New Russia. 1936. No. 7. Pp. 1–2 (In Russ.).
10. *Kerensky A.F.* Idea in the service of the state // Days. 1928. No. 15. December 16. Pp. 2–3 (in Russ.).
11. *Kerensky A.F.* In place of the class – the nation // New Russia. 1936. No. 17. December 1. P. 3 (in Russ.).
12. *Kerensky A.F.* Introductory remarks // New Russia. 1936. No. 8. July 1. Pp. 5–6 (in Russ.).
13. *Kerensky A.F.* Lost Russia. M., 2014. Pp. 7, 59–60, 111–112, 128 (in Russ.).
14. *Kerensky A.F.* My “fascio-statism” // Days. 1929. No. 36. April 12. P. 3 (in Russ.).
15. *Kerensky A.F.* New Russia // New Russia. 1936. No. 1. March 8. P. 1 (in Russ.).
16. *Kerensky A.F.* Objection to N.A. Berdyaev // Days. 1932. No. 149. February 21. P. 5 (in Russ.).
17. *Kerensky A.F.* Russia at a historical turn: Memoirs. M., 1996. Pp. 19, 28 (in Russ.).

18. *Kerensky A.F.* Russia or the Comintern? // New Russia. 1936. No. 2. March 22. P. 1 (in Russ.).
19. *Kerensky A.F.* Secret ballot // Days. 1929. No. 20. January 29. P. 1 (in Russ.).
20. *Kerensky A.F.* The fascization of Stalinism // New Russia. 1936. No. 8. July 1. Pp. 1–2 (in Russ.).
21. *Kerensky A.F.* The Soviet state and the All-Union Communist Party // New Russia. 1936. No. 6. May 17. P. 2 (in Russ.).
22. *Kerensky A.F.* V.V. Sukhomlin's bewilderment // Days. 1929. No. 24. February 24. Pp. 2, 4 (in Russ.).
23. *Kerensky A.F.* The state comes first // Days. 1928. No. 14. December 9. Pp. 1–2 (in Russ.).
24. *Mitin M.* On the elimination of classes in the USSR and on the socialist state of all the people // Under the banner of Marxism. 1936. No. 5. Pp. 8–9, 14 (in Russ.).
25. *Nersesyants V.S.* Philosophy of law. M., 2003. P. 227 (in Russ.).
26. *Nikandrov A.V.* Concept of "people's autocracy" in the political rhetoric of Bolsheviks and the populistic sourses of Bolshevism // Questions of Philosophy. 2020. No. 10 (in Russ.).
27. *Nikandrov A.V.* Development of the theory of the Socialist state in political publications and legal documents of the Stalin period of Soviet history: problems and contraditions // State and Law. 2024. No. 4 (in Russ.).
28. *Pashukanis E.* Soviet state of all the people // Pravda. 1936. May 9. P. 2 (in Russ.).
29. *Shirinsky-Shikhmatov A.Yu.* Speech in the debate // New Russia. 1936. No. 6. May 17. P. 14 (in Russ.).
30. Social thought of the Russian diaspora: Encyclopedia / V.V. Zhuravlev (ed.). M., 2009. P. 115 (in Russ.).
31. Stalin's Constitution of victorious socialism // Pravda. 1936. June 13. P. 4 (in Russ.).
32. *Suomela J.* Russia abroad. Ideological and political views of Russian emigration on the pages of the european press in 1918–1940. SPb., 2004. Pp. 225, 260 (in Russ.).
33. The labor people's socialist party: Documents and materials / A.V. Sypchenko & K.N. Morozov (comp.). M., 2003. Pp. 65–66 (in Russ.).
34. *Tyutyukin S.V.* Alexander Kerensky. Pages of a political biography (1905–1917). M., 2013. P. 8 (in Russ.).